

18+

Мария Унгер
Владимир Попрядухин

ЛОВЦЫ ТУМАНА

Мария Унгер

Ловцы тумана

«Издательские решения»

Унгер М.

Ловцы тумана / М. Унгер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-700578-4

Девочка Настя проваливается в прореху между параллельными мирами. Близко расположенные параллельные реальности мало чем отличаются друг от друга, и Настя не сразу понимает, что новый мир для нее не родной. Но, оказывается, что такие «дыры» давно используются контрабандистами и некоторыми «надмировыми» спецслужбами для достижения своих целей...

ISBN 978-5-00-700578-4

© Унгер М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ловцы тумана

Мария Унгер

Владимир Попрядухин

© Мария Унгер, 2026

© Владимир Попрядухин, 2026

ISBN 978-5-0070-0578-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

— Вот ты знал, что во всем мире ежегодно пропадает около миллиона людей? Четверть из них дети.

— В мире вообще происходит много необычного. Говорят, их, миров, множество. И я сейчас не о звёздах. Слышал историю, что после войны в небе над Испаньолским заливом пропало целое звено бомбардировщиков САСШ?

— Да что-то читал такое в журнале «Вокруг мира». — Сашка бросил прутик в затухающий костёр. — Они вроде потом появились, но время на часах у них было сбито от реального.

— Ага. А Чёрный альпинист? Это тоже пришелец из других миров.

— Хочешь стать «чёрным альпинистом»? Тогда просто не мойся месячишко.

— Не, кроме шуток. Я бы хотел ходить между мирами. Прикинь, сколько интересных вещей можно там увидеть.

— Гы. Слитки золота там по цене железа, а ты — раз — и перетащил сюда. Отличный бизнес-план. Ты, Алекс, авантюрист.

— Не, я аван-турист.

Сашка — Алекс лёг на спину и стал смотреть в звёздную реку, текущую между черных теней горных хребтов. Река подмигивала множеством звёзд, постепенно растворяя окружающую реальность в своей бесконечности. Другой Сашка —Шурка встал и потянулся: — Пошли спать. Завтра выйдем на седловину и к обеду будем на вершине.

— Да, было бы интересно походить по другим мирам. — вздохнул Алекс. — Не в курсе — вон та туманность как называется?

Шурка взглянул вверх: — По-моему, туманность Андромахи. Давай спать. Завтра нас ждёт Чимиган.

Глава 1

— Хренакнуть!

Именно так ученик шестого класса «Б» Петя Куликов представлял себе финал процесса ловли рыбы.

— Когда она попалась на крючок, нужно сначала тянуть потихонечку, потихонечку, а потом как хренакнуть! — сказал Петя двум своим товарищам, с которыми шел на рыбалку.

Осенний день выдался теплым и солнечным, со школы отпустили рано, а уроки... Да кому нужны эти уроки! Потом в классе списать у кого-нибудь, делов то.

— Ага, так рыбе рот порвёшь, и она уйдёт. — ответил Мишка Дроздов, который в предмете обсуждения уж точно разбирался. Его папа не раз становился призером разнообразных соревнований по спортивной рыбалке.

— Согласен, Миш, подсекать нужно аккуратно, хоть и резко, — поддержал разговор Андрей Морозов.

Тогда Петя, дабы не показаться глупым и не разбирающимся в таком тонком вопросе, слегка подкорректировал:

— Хренакнуть, но потихонечку.

Он был единственным из этой компании, кто шел без удочки. В семье у них рыболовов, а, стало быть, и рыбацких снастей отродясь не бывало, а слово «рыбалка» неизвестно почему ассоциировалось с пьянкой и недостойным поведением. Поэтому заранее сказать друзьям, что удочки у него нет, Куликов постеснялся. Отсутствие снасти обнаружилось, когда Мишка с Андрюхой пришли к Пете во двор. Его дом был ближе всего к реке, поэтому и служил финальной точкой сбора. Однако Мишка, правильно оценив невнятное блеяние друга о «только что сломавшейся удочке», обещал снова на минутку зайти домой и взять еще одну удочку, специально для Пети. Что значит друг!

— Наверное, я тебе вот эту отдам, а себе запасную отцовскую возьму. — сказал Мишка, качнув в руках старенький спиннинг.

Петя был и этому рад. Он получал удовольствие от самого похода с друзьями. Мишка в этой тройке считался общепризнанным мэтром и шел сейчас давать мастер-класс.

— Надеюсь, что Добрый не придет. — озадачился вдруг Андрей

— А что, собирался?

— Да слышал на перемене, что он со своей бандой про рыбалку говорили.

Пацаны слегка сникли. Добрый, иногда Добрыня, он же Руслан Добрынин — школьный хулиган, который бывает почти в каждом классе. Невысокого роста, крепкого телосложения, с наглыми голубыми глазами навывкате. Он частенько издевался над своими одноклассниками, особенно над Мишкой. В отличии от двух своих друзей, Мишка был полненький, за что ему чаще всего и прилетало. А уж если не били, а просто дразнили, то и вообще не считалось за полноценную обиду:

— Толстый, жирный, как поезд пассажирный!

Без пинков под зад и вытряхивания мелочи на столовскую сосиску в тесте тоже не обходилось:

— Тебе, толстый, много есть вредно. Да не кипишуй, я займы. Потом отдам.

Понятно, что это «потом» никогда не наступало. Но в случае чего, с Руслана и взятки гладки — ну занял у товарища. Не отобрал же? Законом не осуждается. Но Мишка и не думал жаловаться. Всё равно не поможет.

У Доброго, как у признанного вожака, было два приспешника — Колька Калач и Вовчик Шалам. Поэтому, при встрече с этой гоп-компанией троица рыбаков могла остаться не только без настроения, но и без улова.

Они уже подходили к дому Мишки, как вдруг услышали свист:

— Эй, жировики! На рыбалку собрались? Мы с вами!

Случилось то, чего Андрей, Мишка и Петя опасались больше всего. Руслан, Колька и Вовка, с рюкзаками и удочками, стояли на противоположной стороне улицы.

— Блин! — вздохнул Мишка. — Прости, Петь, теперь я не могу папину удочку взять, Добрый отберет. А не отберёт — так сломает. Ладно, покажу, как надо рыбу подсекать, и отдам тебе. Я и так с папой на рыбалку хожу, наловился уже.

— Спасибо, Миш, — сказал Петя.

— Эх, мы же втроем собирались, — вздохнул Андрей.

— Делать нечего, придется идти с ними. Теперь от этих придурков не отделаться. — мрачно констатировал Мишка

Итри рыбака, с двумя удочками и испорченным настроением, слегка поникнув, пошли навстречу своим «приятелям».

Глава 2

— А я вам говорю, что тут рыбы намного больше! Тут и остановимся! — повелительно сказал лидер хулиганов. — Я-то здесь все изучил. Ну а раз вы ловите на моём месте — с каждого треть улова.

— С какой радости? — пробурчал под нос Петя, но так, чтобы его протест не звучал слишком вызывающе.

— Смотри, рыба играет! — вдруг воскликнул Руслан, показывая на воду. Петя повел взглядом за его рукой, и тут же был пойман крепкими пальцами за нос:

— Обманули дурака! — далее последовал крепкий тычок в «солнышко», от которого Петя сложился пополам, хватая воздух. — Это шутка, дружок. Прикинь, что будет, когда я по серьёзному.

Пришлось согласиться — Добрыня драться умел. Изначально, Петя, Миша и Андрей планировали рыбалку в Мишкином месте, но, идти против воли вожака, даже, если он сам себя таковым назначил, было страшно.

— Ладно. Раз вы такие жмоты и не хотите делиться — предлагаю соревнования устроить, — продолжил Руслан. — Кто больше рыбы наловит. Вы вдвоем против нас. На все про все ровно два часа. Если выигрываем мы, то Жирок отдает нам свой спиннинг, а если вы... Сами выбирайте, все равно проиграете.

— Нет, на папин спиннинг я спорить точно не буду! — сказал Мишка.

— Я так и думал, что вы слабаки и сопляки! — ухмыльнулся Добрый. — Ну тогда мы вам просто навтыкаем — и валите отсюда.

— Мишка, да не бойся ты! — вступили Петя и Андрей. — Ты рыбак хоть куда, мы их «нараз» сделаем. Они еще заставят о пощаде молить!

— Ты говори, да не заговаривайся — сказал Шалам. — О какой пощаде? Книжек начитался? Я тебе сейчас в бубен пробью.

Калач согласно покивал, ударяя крепким кулаком по своей же ладони.

— Эх, папа меня убьет, — вздохнул Мишка. — Ну, хорошо. Спорим. Но если выигрываем мы, то вы отдаёте одну из своих удочек и навсегда перестанете дразниться.

— Ладно, Жирок. Базара нет. Добрый слово держит. Вон Калача удочка подойдёт.

Честно говоря, удочка, которую Добрыня предлагал в качестве ставки, была абсолютно не равноценна Мишкиной: старое бамбуковое удилище, даже без катушки. Однако, протестовать никто из команды Дроздова не решился.

— Только не совсем честно получится, — сказал Петя. — У нас две удочки, а у вас три.

— Он прав, Рус, — согласился Калач. — А то разноются потом, что мы смухлевали. Сам знаешь этих мамсииков.

— Ладно. Чтобы все было честно, ловим двумя удочками. А смена игрока будет происходить тогда, когда товарищ по команде поймает рыбу. Вы на этом берегу, мы на том, чтобы все на виду. Без мухляжа.

Команда Дроздова осталась на этом берегу. Добрынинцы пересекли реку по узкому деревянному мосту в две дощечки и расположились напротив.

— Не волнуйся, Мишка, мы не проиграем.

Но Мишке в это уже не верилось. И как в голову пришло согласиться на эту авантюру? Само слово авантюра ему нравилось. Его папа часто повторял строчки из стихотворения Есенина:

— Был человек тот авантюрист, но самой высокой и лучшей марки!

Но хорошо чувствовать себя авантюристом дома на диване, не рискуя при этом отцовским спиннингом. Так что насчет своей высокой марки авантюризма он уверен не был. Впро-

чем, а что ещё оставалось? Отказаться от навязанных соревнований — навтыкают. А потом всю оставшуюся школьную жизнь станут дразнить жирным хлюпиком, который испугался рыбу ловить. А так, есть шанс, что они победят, и компания Доброго перестанет их доставать. Шанс есть, хотя и призрачный. Дело в том, что несмотря на свой имидж продвинутого рыбака, Мишка в рыбной ловле был скорее крупным теоретиком, нежели практиком. Но чем чёрт не шутит.

— Так! — воспрял духом Мишка. — Начнём, джентльмены. На кону наша честь и спиннинг моего папы. Слушайте меня — и все пойдёт, как по маслу.

Друзья признали его приоритет в вопросе рыбной ловли безоговорочно.

— Для начала я сделаю небольшой ритуал, который точно поможет нам выиграть. Папа научил. Нужно зайти в воду по щиколотку и пройти вдоль берега туда-обратно, мысленно прося у духа реки большой и хороший улов. Всегда срабатывает. Только главное правило — пока капитан занят ритуалом, его команда не обращает на него никакого внимания и раскладывает снасти.

Петька не сдержался и прыснул. Андрюха тоже не устоял.

— Чего вы там ржете? — крикнул с того берега Добрый. — Посмеемся, когда я ваш спиннинг заберу.

— Пацаны, харэ ржать. Ритуал работает всегда. Доверьтесь.

Мальчики, продолжая хихикать, начали подготовку к рыбалке.

Мишка, как и положено, сперва разулся. Затем, спустился в воду по щиколотку, и начал медленным шагом топтать мягко-илистый берег реки.

— Ловись, рыба, ловись!

Так он ходил минуты две, прежде чем зашёл за ближайший изгиб речного русла. Пусть дух реки услышит его просьбу и не даст шанса команде Добрынина. За поворотом берега оказался небольшой овражек, выемка после небольшого оползня. В нём стояла какая-то дымка — то ли пар, то ли туман. Хотя какой туман вечером? Может, испарения от канализации просочились? Мишка втянул ноздрями воздух, но ничем плохим не пахло. Он засунул руку в туман, но тоже ничего необычного не почувствовал. Тут в босую подошву воткнулась острая раковина от двухстворчатого моллюска, которыми изобиловала река. От острой боли пацан поджал ногу и рухнул в заливчик, прикрытый непонятным полутуманом.

— Фиговая была идея, — подумал он про себя, хромая обратно.

Дело в том, что мистический ритуал, повышающий улов, Мишка только что выдумал. От матери он как-то слышал про плацебо. Если человек искренне верит в лекарство, то организм сам себя лечит. А если искренне верить в успех, то... А почему нет? Дроздов, как творческий человек, любил применять полученные знания на практике.

— Ну, все, ребята! Щас вся рыба наша будет! — возвращаясь из-за поворота воскликнул Мишка. Но никто не внял его бодрому призыву. Ни Петьки, ни Андрея, ни рыбацких принадлежностей.

— Пацаны, у нас всего лишь два часа, хватит прятаться, давайте, за дело! — повторил Мишка.

Но мальчиков нигде не было. Тогда Мишка быстро окинул взглядом противоположный берег, предполагая, что у Доброго уже во всю клюет. Но у Доброго не клевало. Собственно, как и у Калача с Шаламом. Потому что на том берегу их не так же не оказалось. Вместо них там сидел какой-то дед с бамбуковой удочкой.

— Чего орёшь, малец? Вся рыба разбежится. Иди отсюда!

— А где ребята?

— Ушли наверное. Видишь — нет никого. Иди, не баламуть.

«Как ушли?» — растерянно подумал Мишка. Он хотел надеть ботинки и побежать догонять товарищей, но ботинок в том месте, где он их оставлял, тоже не было. Там стояли чьи-то ношенные девчачьи босоножки с вложенными в них носками.

«Опять издеваются! А ещё друзья!» — Мишка босиком выскочил на берег и припустил, чуть прихрамывая на подраненную раковинной ступню, по тропке к виднеющемуся неподалёку родному микрорайону. В закатных лучах солнца стандартные девятиэтажки казались каким-то фантастическим городом из сказки. «Закатных?» Мысль запнулась в попытках осознать непонятное. Когда они располагались на рыбалку, до заката оставалось добрых два часа.

Глава 3

— Хренакнуть! — мысленно воскликнула Настя. — Хренакнуть бы этому грачу этим же грецким орехом по его глупой носатой башке! Вот еще выдумал — в людей орехами кидаться! Прилетит по голове — синяк будет. Хорошо, что орех маленький. Хорошо, что у нас кокосовые пальмы не растут. Хотя, кокос грач навряд ли поднимет. Тут какой-нибудь орел нужен типа кондора. А кондоры в Южной Америке живут.

И Настя представила сцену из старого приключенческого фильма «Дети капитана Гранта», где гигантская птица несет в когтях мальчика.

— Так себе приключение, — поёжилась она. Хотя ее мама была уверена, что Настя любит приключения и даже ищет их.

«Вечно ты найдешь себе на одно место приключения!» — прозвучал в голове мамин голос. Девочка улыбнулась и поискала взглядом упавший орех. Тот медленно уплывал по течению за поворот русла небольшой реки, вдоль которой она гуляла.

— Грач — птица семейства врановых, — вспомнила она строчку из учебника биологии, урок по которой сегодня отменили из-за болезни училки. — Слышь, ты, врановый, я вот сейчас этот орех подниму и отправлю тебе назад — сказала девочка грачу и подошла к кромке воды. — Небось, не обрадуешься, если тебе самому по голове прилетит?

Сидевший на ветке прибрежной ивы, грач скосил на нее черный глаз и потер клюв о ветку, но ничего не сказал. Впрочем, не удивительно. Обычно дикие грачи не разговаривают. Но, на мгновение, Насте показалось, что птица сейчас произнесёт что-нибудь едкое в ответ.

Погода стояла не по-осеннему теплая. Девочка попробовала рукой воду:

— А водичка-то летняя!

Охотница за орехом разулась, аккуратно поставив босоножки и положив в них носки, после чего зашла по щиколотку в реку.

— Постереги мои босоножки, — сказала она грачу. — Я сейчас вернусь.

Орех уже уплывал за поворот, держась возле самого берега. Слегка загребая пальцами ног песок на дне у берега, Настя погналась за трофеем.

«Откуда он его принёс? В округе ни одной орешины за километр! Не лень птице так далеко летать?»

Орех закрутило не сильным водоворотом ближе к берегу, и затянуло в неглубокую ложину. Настя шагнула за ним и внезапно окунулась в какой-то влажный сумрак. Впрочем, орех через это неплотное марево было хорошо видно. Она достала его из воды и вышла обратно на солнце.

Орех был хороший, крупный, гладкий, в неглубоких морщинках.

— Наверное, тонкокорый, ломается хорошо! Пожалуй, не буду я его в грача кидать, сама съем.

Зажав находку в кулаке девочка снова вышла за поворот, где оставила обувь. В этот момент Настя поймала глазами «зайчики» от ярких солнечных бликов на воде. Они были настолько яркие, что на мгновение пропала возможность видеть.

— Фу, как от сварки!

Она потеряла глаза руками. Грача на ветке уже не было. Босоножек тоже. Настя искала их взглядом.

«Нет, точно нету. Грач что ли унес?» — мелькнула испуганная мысль. — «Может, пряжки блестели на солнце, а сороки, вороны и грачи любят все яркое. А почему яркое? Ведь я гуляла уже перед закатом?»

Додумать и проанализировать несоответствие девочка не успела.

— Подсекай, а то уйдет ведь! — Послышался голос с противоположного берега. Там расположилась команда Руслана Бобрынина по кличке Бобр. Или Бобёр — с дополнительной буквой произносить было удобнее. На Настином берегу сустились их одноклассники Андрей и Петя.

«И как я мимо них прошла?»

Настя училась в параллельном классе. С Петей и Андреем у нее никогда конфликтов не возникало. Они даже иногда помогали друг другу, когда дело касалось учебы. Если, например, сначала была контрольная у Настиного класса — «ашек», то они выручали «бэшек». И наоборот. Но вот Бобр, Колян Крендель и Вован Калаш... Как-то классе в четвертом, после урока физкультуры, Настя и еще несколько девочек из ее класса остались поиграть в пионер-бол на школьной площадке. Рюкзаки оставили на лавочке.

Бобёр и компания тем временем висели вниз тормашками на турниках, изображая великих гимнастов. И вот, мяч в руках Насти. Подача. И... То ли ветер сыграл злую шутку, то ли мяч просто соскочил с ладони, но он полетел не в руки к ее подруге Ирке, а прямо в голову Руслана.

— Ой, — хихикнула Настя, — прости, я не специально.

Если бы Руслан был без своей свиты, то дело бы обошлось фразой: «Ты че, дура что ли? В следующий раз тебе прилетит».

Но в данном случае оставить прилюдное унижение без внимания — это не по-пацански. Поэтому Бобр в одно мгновение оказался у лавочки с рюкзаками, и, схватив Настин, начал раскручивать его, словно метатель молота. Еще несколько секунд — и рюкзак оказался метрах в трёх от земли, в нижней развилке ветвей многолетнего дуба, который рос в школьном дворе.

— Ой, прости, я не специально, — передразнил Руслан псевдодевчачьим голосом.

— Ты что, дурак что ли? Как я его теперь достану? — сквозь слезы крикнула Настя.

— Это уже не мои проблемы, — хмыкнул обидчик, сделал смачный плевок в направлении жертвы и гордо вернулся к своим товарищам. Честь и достоинство сохранены. Статус — его постоянно поддерживать надо.

— Не плачь, — успокаивали подруги Настю. — Мы сейчас физруку расскажем, он этого идиота накажет, и рюкзак достанет.

С тех пор между Настей Лапшиной и Русланом Бобрыниным началась самая настоящая вражда. И если она старалась обходить его стороной, то для него было сущим пустяком сделать какую-нибудь пакость. Так, на одном из объединенных уроков по физре, хулиган стянул с нее треники, когда она лезла по канату. Естественно, Руслану прилетело от физрука подзатыльником, двойкой в журнале и вызовом родителей в школу. Папа Бобрынин «досыпал» сыну меру страданий ремнем по первое число — выбить дурь, так сказать. Дурь не ушла, а пришла злость и обида на Настю. Это же из-за нее произошло. Поэтому, Бобр продолжал всячески ее задирать. Бить не бил — девочка все-таки. А ударить девчонку — ниже достоинства. Но кодекс чести не мешал шпынять ее в спину, дразнить, толкать «случайно», когда она несла поднос с компотом в столовой. Одним словом — задира.

«Сто пудов, это он спрятал босоножки, чтобы потом издеваться, как обычно».

Лапша — как называл Настю Руслан и его приспешники (понятно, не потребовалось особой фантазии, чтобы придумать это прозвище из фамилии Лапшина) — уже морально приготавливалась к словесной атаке. Но Бобрынин был настолько вовлечен в процесс рыбной ловли, что не обратил на нее никакого внимания. В отличии от Кольки и Вовы.

— Лапша, — произнесли они почти вместе.

— Какая лапша, придурки? — возмутился Руслан, не поворачивая головы. — Я сказал, что было бы круто, если бы кто-то не забыл прикормку! Хорошо, что эти шибздики на противоположном берегу еще даже не начали. Пухляш куда-то слился по тихому.

— Да нет же, Рус! Настя! Настя Лапшева! — воскликнули оба.

Настя не ожидала, что ее появление произведет такой фурор. И почему Лапшева?

— Так, шутки шутками, но я бы попросила вернуть мне мою обувь, потому что это переходит все границы! Как я босиком домой пойду? — крикнула она через реку.

Руслан обернулся и за малым не выпустил удочку из рук:

— Правда, Н-н-настя, — слегка дрожащим голосом произнес он.

— Как будто приведение увидели! Хватит прикалываться. Отдайте босоножки, да я пойду, — настойчиво сказала она. — Ай, зараза, из-за вас вот на колючку наступила.

Она настолько была возмущена и ошарашена пропажей обуви, что совсем забыла о паре кроссовок в рюкзаке для вечерней тренировки по капзёйре.

Мальчики продолжали смотреть на нее выжатыми глазами и молчать. Рыба дернула поплавок, оставляя круги на воде. Петя и Андрей «явление Лапши народу» пропустили, так как шарились в камышах и звали Мишку.

— Ладно, из-за таких дураков, как вы, я не собираюсь опаздывать на тренировку. Завтра принесите босоножки в школу. Или лучше себе оставьте — раз вам так нравится в девчачьей обуви ходить!

Настя потопталась по мягкой, пока еще зеленой, траве, чтобы стряхнуть песок, который прилип к ее ногам. Затем быстро обулась и, уже не обращая внимания на компаньонов, направилась в сторону города.

— Тренировка в 18.00, а сейчас без пятнадцати, — подумала она, посмотрев на экран телефона. Ну, что ж, устрой небольшую пробежку, иначе не успею.

Михаил Иванович не любит, когда опаздывают.

И Настя побежала.

Добрый, Калач и Шалам оставались в немом оцепенении, провожая ее взглядом.

— Руслан, Руслан! — кричал с того берега Андрей. — Мишка пропал. Может утонул?

Мишки и вправду нигде не было. Остались только удочка да ботинки.

Глава 4

Настя пробежала до дворца спорта, который находился в паре километров от реки.

«Вот это я понимаю, скорость!» — подумала она. «За десять минут! Как раз осталось пару минут на переодевание. А тренеру скажу, что разминочные два круга своих я уже сделала, даже больше. Ого, ничего себе, когда они успели вывеску поменять?»

На месте некогда красных подсвеченных букв «ДВОРЕЦ СПОРТА» красовалась надпись «О, СПОРТ, ТЫ — МИР», окантованная маленькими желтыми огоньками.

«Ну, в целом, я с ними полностью согласна, так даже лучше.»

Шурша пакетом, якобы со сменной обувью, Настя немного посидела в холле дворца. А то дежурки поругают, что в грязных кроссовках зашла, не переобувшись. Поздоровавшись с охранником Валентином Ивановичем, который кивнул и что-то пробубнил, не отрывая глаз от кроссворда, Настя поспешила в раздевалку. Обычно Лена Чуйкина собиралась дольше всех, и, даже если Лапша приходила под самое начало тренировки, Чуйка все равно из раздевалки выходила последняя. Сейчас же в комнате никого не было.

«Интересно, что в лесу должно было сдохнуть, чтобы Лена вовремя переделась. Или, может быть, магнитные бури?»

Настя быстро скинула с себя блузку и юбку, небрежно повесив одежду на крючок. Натянула спортивные штаны, футболку, успела причесаться и даже пролистать пару страниц из книги, кем-то забытой на лавочке:

«Мэрибель вновь улыбнулась, только теперь, кажется, слезы потекли по щекам.

— Ты самый добрый, самый светлый человек в мире, Мэрибель! Благодаря тебе я поверил в себя. Знаю, мой характер все портит, но я люблю тебя и хочу для тебя только лучшего. В том числе и лучшего парня! — Тит крепко обнял ее.» — прочитала вслух Настя. — Фу, что за бредятина. Сто пудов Ленкина книга. Главное, как «Кладбище домашних животных» почитать ей давала — так мерзко и противно. А это, по ее мнению, высшая ступень мировой литературы?

Выбегая из раздевалки, чтобы не опоздать на построение перед тренировкой, Настя не вписалась в дверной проем и сильно ударилась плечом. Это на доли секунды ее притормозило, и она вовремя успела сориентироваться: вход в спортивный зал находился не прямо по коридору и направо, а просто прямо.

«День каких-то неожиданных событий и перемен» — подумала Настя.

Из зала доносился стук мячей и скрип кроссовок по гладкому паркету. Наверное, тренер решил немного поменять программу тренировки и сначала разогреть команду игрой в баскетбол.

Действительно, команда оттачивала упражнение «работа в тройках». Два игрока сбоку и один по центру в игровом темпе передавали друг другу мяч, перебегая друг за друга. Распасовка заканчивалась около баскетбольного кольца, куда мяч следовало забить. Ранее на тренировках по капоэйре они такого не делали. Да и команда была не её — семиклассницы. Половину Настя знала, половину нет.

Михаил Иванович сидел в тренерской и заполнял какие-то спортивные ведомости.

— Михаил Иваныч, — робко сказала Настя. — Извините, я тут на пару минут опоздала. Одни психи украли мои босоножки. Но опоздание компенсировала двухкилометровым кроссом до дворца! С кем мне можно встать в пару на разминку? Вы классно придумали с отработкой в баскетбольной распасовке, она здорово похожа на джингу. А наши сегодня не тренируются?

Михаил Иванович поднял голову от бумаг, проморгался от света настольной лампы и странно посмотрел на вошедшую девочку. Затем провел сложенными ладонями по лицу и снова посмотрел.

— Эээ. Лапшешая, ты откуда?

Настя на всякий случай окинула взглядом свою одежду — может что-то не так, испачкано или порвано. Над щиколоткой правой ноги небольшое грязное пятно от речного ила, а в остальном все в порядке.

— А. Это я испачкалась, когда из реки выходила.

— Из реки. Гм. А мама твоя где? Ты её видела уже?

— Мама на работе. Она сегодня в ночь. А почему Лапшешая, а не Лапшина?

Тренер встал из-за стола, подошел к Насте и пощупал ее за плечи своими тяжёлыми мозолистыми ладонями. Потом подвёл ее к соседнему стулу и посадил, слегка нажав ладонями на плечи.

— Давай-ка маме позвоним. Где твой смартфон?

— Вы имеете в виду ментофон? Вот он. — девочка достала из кармана штанов средство связи в виде небольшого овального дисплея с кнопками. Это была новая модель, которую мама ей подарила на день рождения. Он настраивался на альфа-ритм своего владельца и мог совершать звонки не только простым набором, но и силой мысли. Так, по крайней мере, заявляла реклама. Правда, «звонить мыслью» получалось крайне небольшому количеству абонентов, чьи номера заранее были забиты в группу контактов «Мысленно на связи». Это опция только недавно была разработана ведущей японской фирмой «Тамагучи». Конечно, мысленный набор иногда слегка лагал и мог направить звонок не туда, но все равно это было круто.

— Давай-ка я лучше сам позвоню. — тренер взял со стола какой-то странный ментофон прямоугольной формы и стал тыкать пальцами в экран. Потом приложил его к уху. — Лилия Андреевна? Это Михаил Иванович Дудников, бывший тренер вашей дочери.

«Почему бывший?» — мелькнуло в голове у девочки. — «Меня из команды что ли выгнали? И он, вроде Гутников.»

— Вам лучше приехать как можно быстрее во дворец спорта. Настя нашлась. Вот так, нашлась. Нет, не ошибка. Она у меня в тренерской сидит. Настя скажи что-нибудь! — он подсунул ей под нос свой нелепый мобильник, который он называл смартфоном.

— Мама, это я! — крикнула Настя. — Ты в ночь сегодня?

В трубке как-то странно всхлипнуло и плачущий мамин голос запричитал:

— Доченька. Сиди там. Я сейчас, я скоро.

Настя не поняла ровным счетом ничего. Вот, буквально с утра, они вместе позавтракали и разбежались по своим делам — мама на работу, а она — в школу. Все было хорошо, и плакать не из-за чего. Или мама расстроилась, что из команды поперли? Лапше тоже захотелось плакать

— Михаил Иванович, — шмыгая носом и пытаясь сдержать слезы сказала Настя. — Ну как же так, я же всего на две минуты...

Тут ее взгляд упал на небольшой будильник на столе. «А почему 16.08.? Должно быть 18.08! Или у него часы отстают?»

— Успокойся и не переживай, сейчас твоя мама придет, и мы во всем разберемся, — сказал Михаил Иванович, слегка поддериывая плечами, чтобы снять напряжение. — Ты, голодная, наверное? Я тут как раз чай заварил, а то горло в последнее время побаливает. Столько кричать приходится, сил нет. То пас отдадут туда, куда не надо, то фолят... В общем, вот тебе кружка, налей, сколько нужно и конфеты бери, они в верхнем ящике стола. Сиди, отдыхай, жди маму, и никуда не уходи, а я посмотрю, что там в зале происходит.

Он подошел к двери, как то нерешительно оглянулся и еще раз сказал:

— Никуда не уходи, пока я не приду.

Лицо его, обычно жесткое и волевое, сейчас выглядело недоуменным и растерянно изумленным, как у ребенка, который впервые увидел в зоопарке слона. Настя выдвинула ящик стола, в котором, на ряду со всякой канцелярской мелочью, валялся полиэтиленовый пакет с конфетами-батончиками «Рот-фронт». Из вежливости взяла одну и задвинула ящик обратно. Но она даже не успела развернуть фантик, как открылась дверь и снова вошел тренер. Из-за его широкой спины выглядывали красные вспотевшие лица девчонок. Чуть выше правого локтя виднелась белобрысая головы Ани Чуйкиной, старшей Ленкиной сестры. Остальных толком и не было видно. Громкий шепот и сопение создавали такой шум, что он заглушал даже бормотание небольшого приёмничка, стоявшего на шкафу. В маленькой тренерской внезапно стало тесно. Тем, кому места в комнате не досталось, подпрыгивали сзади, пытаясь разглядеть что-либо через головы подружек.

— Настя, это ты? — как-то робко спросила здоровенная Катя Рябчикова.

— Я, конечно. Что, я так за день изменилась?

— За какой за день? — выскочила вперед суетливая болтушка Алина Назарова. — Тебя два месяца уже всем городом ищут, даже волонтеры из Москвы из «Лизы Аллерт» приезжали. Думали, что ты утонула. Ты где была столько времени?

«Прикалываются что ли? -мелькнуло в голове у Насти. — Дурдом какой-то!»

Но на лицах всех присутствующих никакого скрытого веселья заметно не было, только изумление и напряженное ожидание. Да и Михаил Иванович никогда не отличался любовью к розыгрышам.

— Почему два месяца? -растеряно повторила Лапшина. — Сегодня же пятнадцатое сентября?

— Ну, да. — вытерла мокрый лоб ладошкой Чуйкина. — А пропала то ты в июле. Как раз после товарищеского матча с первой школой. Сказали, что ты, вроде потом ушла, и больше тебя не видели.

— Какой еще матч? Мы же в июле ездили на турнир в Борисоглебск. Я еще оттуда бронзовую медаль привезла. Вон, Михаил Иванович пусть подтвердит.

Михаил Иванович подошел и положил руку на плечо сидевшей в кресле девочки.

— Ты просто забыла, сама подумай. Баскетбол — игра командная. Если бы ты привезла бронзовую медаль, то и у каждого игрока была бы такая же.

— А причем здесь баскетбол? Вы же нас капоэйре обучаете. Вы же еще сами рассказывали, как в молодости два года в Бразилии ей занимались.

Михаил Иванович растеряно оглянулся, не зная, как отреагировать. Из неловкой ситуации его выручила мать Насти Лилия Андреевна. Она пробурилась сквозь плотный заслон из рослых девиц и, подбежав к креслу, крепко обняла Настю за шею. Затем мама заплакала. Сидеть так было неудобно, но Настя терпела, ожидая, пока приступ материнской истерики пройдет сам собой.

Глава 5

Центральная районная больница или ЦРБ находилась неподалеку от Дворца спорта, буквально в пяти минутах ходьбы, если идти через стадион. Если пойти по улице, то путь удлинялся, но незначительно. С недавних пор проход через стадион закрыли — терроризм и все такое, и желающим сократить путь приходилось перелезать через забор, что было не всегда удобно, а дорогу сокращало не сильно. Поэтому все потихоньку отучились ходить напрямую, что обрадовало легкоатлетов, которым посторонние периодически мешали тренироваться. Ну, представьте. Делаешь работу на дорожке с ускорением, а тут выныривает какая-то бабушка, которой приспичило сократить путь до больницы на жалкие пять минут. А главное, минуты эти ей все равно не нужны, поскольку она на пенсии и времени у нее навалом.

Судя по порванному подолу маминого халата, Настя поняла, что мама использовала короткий путь через забор. Понять бы еще причины такого ажиотажа — ведь с утра все было нормально. Обратный маршрут до больницы они проделали, как положено, сделав крюк по улице.

— Сейчас тебя доктор осмотрит, — сказала мама, пытаясь на ходу поцеловать найденную потеряшку в макушку.

— Да что с тобой? — удивленно спросила Настя. — Чего меня смотреть? Я здорова как корова!

Но мама на шутку даже не улыбнулась. Они зашли в больничные ворота и направились не в здание, где Лилия Андреевна работала дежурным лаборантом, а в двухэтажный корпус в глубине двора. Там располагалось неврологическое отделение. Девочку оставили одну в просторной ординаторской, меблированной старыми письменными столами, заваленными папками с историями болезней, и жестким клеенчатым диваном.

— Посиди пока здесь, я сейчас Александра Алексеевича позову.

Невропатолога Александра Алексеевича Настя знала. Этот забавный дядька был бесменным Дедом Морозом на больничных Новогодних утренниках для детей. Коренастый, с небольшой седой бородой-лопатой, с диатезно-красными щеками и носом, он практически не использовал грима для создания образа новогоднего волшебника. Стоило только надеть красный тулуп и шапку. И — вуаля — перед вами фактически настоящий Дед Мороз. Разве, что рост немножко подкачал.

— Ну-ка, ну-ка, где тут наш найдёныш? — радостно зарокотал низким баритоном доктор, врываясь полубегом в ординаторскую. За ним быстрым шагом следовала мама.

— Сейчас мы вас проверим, сейчас мы вас проверим — шутливо бормотал доктор, но глаза у него были чуть испуганные, ошарашенные.

— Довольно! — подыграла ему Настя встречной цитатой из того же мультика «Золотая антилопа». — Чего нас проверять? Мы полностью здоровы!

— Вот это мы сейчас и установим — не стал спорить невропатолог. — Давай, скинь для начала маечку, мы тебя послушаем, постукаем.

Настя скинула верхнюю одежду, оставшись в коротком топике, который не закрывал живот, и трусах.

— Ну их, еще спорить с ними, какие-то они все странные сегодня, — подумала она про себя.

Мама стала осматривать ее кожу с разных сторон, кружась вокруг нее, как вокруг новогодней елки. А невропатолог задрал ей голову к лампочке и стал смотреть зрачки. И язык, который он попросил ему показать. Наконец, удовлетворившись осмотром, они усадили девочку на стул, после чего больничный Дед Мороз начал стучать ее резиновым молоточком по коленкам и выше локтя, а после колоть иголкой, которую он вывинтил из резиновой рукоятки меди-

цинского молотка. Закончив свои медицинские упражнения, доктор присел рядом с Лилией Андреевной на диван напротив Настинного стула. Воцарилась короткая пауза.

— Ну, что ж — наконец хмыкнул Александр Алексеевич. — На первый взгляд все нормально. Конечно, нужно еще анализы сдать. МРТ головы сделать. Но, похоже, у нашей путешественницы все в полном порядке. Ну, давай проведем теперь углубленный опрос. Тебя как зовут? Фамилия, имя, отчество.

— Вы че, прикалываетесь что ли? — Не выдержала Настя, кинув косой взгляд на маму. Но мама ничего не сказала, а лишь напряженно ждала ответа.

«С ума они тут посходили» — раздраженно подумала Настя.

— Анастасия Владимировна Лапшина, 2010 года рождения. От Рождества Христова.

— Да я понимаю, что не от сотворения мира, — поддержал в шутку невропатолог. Ну, хорошо, в собственной личности она ориентируется — это плюс. Фамилию, только чуток спутала. А какой день сегодня?

— С утра было пятнадцатое сентября, — слегка язвительно ответила Настя.

— Еще один плюс, — почему-то обрадовался доктор столь очевидному ответу. — А где ты находишься?

«Блин, как же они меня задолбали странными вопросами», — подумала девочка, но эту мысль, понятно, озвучивать не стала. — Я нахожусь в неврологическом отделении центральной районной больницы города Гурово. Область назвать?

— Не надо, не надо, — промурлыкал невропатолог, обдумывая какую-то мысль. — Ты лучше нам скажи, ты помнишь, что с тобой случилось 17 июля этого года?

Настя честно попыталась вспомнить, но никаких значимых событий, связанных с этой датой, в голове не всплывало.

— Да вроде ничего такого, — сказала она. — Это какой был день?

— Пятница, — ответила мама.

«Смотри-ка, она даже помнит, какой это был день недели, странно».

— Ну, если это была пятница, то была вечером на тренировке, а так-то у нас каникулы. Может, с Ленкой Поповой куда-то забурились. Разве все упомянешь?

— Забурились, вот именно. Вернее, забурилась ты. Ленки Поповой в тот день с тобой не было. Да и вообще ее все лето не было. Ее родители в лагерь на лето устроили, они мои соседи.

— Да ну! — изумилась Настя. — Чтоб Ленка в лагерь — не помню такого. Мы еще в конце июня в поход с классом ходили, и она там была. Даже и фотки есть где-то. Надо в телефоне порыться.

— Ладно, в телефоне мы потом пороемся, — подвела итог осмотра мама. — А пока давай ты останешься здесь, в отделении. Александр Алексеевич обследует тебя по полной программе, а завтра я тебя домой заберу. Все равно я сегодня на дежурстве. Ещё вызов висит.

— Ну, так у меня одежды никакой нету. Тапочки там... Может, кружка какая с ложкой. А почему вызов? Ты же лаборант? Или на дому анализы брать?

Мама улыбнулась так, словно сначала хотела заплакать, однако пересилила себя. На вопрос она не ответила.

— Ну, кружкой с ложкой мы тебя обеспечим, — улыбнулся в бороду невропатолог. А пижаму тебе мама сейчас привезет из дома. Пойдем-ка, я тебя определю в отдельную палату для ветеранов. Там пока пусто. Ветеранов уже почти не осталось.

Настю отвели в маленькую палату на две кровати. Мама уехала за одеждой. Тут же прибежала медсестра с набором пробирок и шприцом.

— Это че, из вены кровь брать? — испугалась Настя. Уколов в вену она боялась почти так же, как змей.

— Ну, что делать? Надо.

Александр Алексеевич кивнул медсестре на пациентку. -Ты давай, Катя, бери кровь, и по cito направь ее в нашу лабораторию. Как придут результаты — сразу сообщи.

Через десять минут Настя осталась одна в пустой палате с ватой на локтевом сгибе и полным хаосом в голове. «Что случилось?» Это была самая внятная мысль на текущий момент. Все остальное распадалось на фрагменты, которые беспрестанно крутились в голове, складываясь в самые немислимые пазлы.

Глава 6

Дверь в кабинет широко открылась, в проеме показалась долговязая фигура ответсека Михаила Михайловича.

— На планерку, все! — сказал он куда-то в пространство и снова исчез в коридоре, хлопая дверями других кабинетов

— На планерку, на планерку, на планерку — удалялся его призыв дальше по коридору.

— Да-да, сейчас, — машинально сказала Юля, пытаясь закончить задание редактора: выгрузить последние новости за прошедшие выходные на сайт. Она была репортером районной газеты с оригинальным названием «Районные вести» и на пол ставки совмещала должность админа сайта.

— Ладно, потом доставлю, — махнула она рукой в сторону монитора, на котором светился знакомый логотип, и, захватив со стола блокнот с ручкой, направилась в кабинет редактора. По пути прихватила стоящий у двери стул для посетителей — стульев в редакторском кабинете всегда не хватало. Когда Юля только устроилась в газету, стула на планерке ей не хватило. На предложение сходить за стулом она скромно ответила:

— Да, ладно, я постою.

На что Михаил Михайлович, глянув поверх очков своими глубоко посаженными рыбьими глазами, нудным голосом произнес:

— У нас не принято стоять на планерках! — и по-старушечьи поджал тонкие губы.

Ответсек был вылитой иллюстрацией из книжки Маршака «Рассеянный с улицы Бассейной»: худое остренькое лицо, очечки на длинном носу, прямые, непонятного цвета волосы с признаками проявляющейся лысины в области темечка. И характер у него был под стать облику - нудный, едкий, временами язвительный. Своей педантичностью он доводил творческие натуры журналистов до состояния легкого бешенства.

— Сдаем план на неделю, — обычно говорил он. — У меня жесткий макет, куда должно поместиться определенное количество строк.

— Откуда я знаю, будут ли у меня эти строки в нужном количестве, — пенился пухлый журналист Денис. — В этой деревне нихрена не происходит годами. А у него, видишь, жесткий макет, блин. Макет для того и макет, чтобы подгонять его под текущую ситуацию.

Но ответсеку все эти доводы были до звезды. Он — третий человек в редакции после главного редактора и его зама. Но, судя по поведению, считал себя как минимум вторым в этой начальствующей троице.

Как привидение, Мих Мих почти бесшумно скитался по кабинетам, непонятно зачем закрывая окна и педантично выравнивая стопки бумаг на чужих столах. Ко всему прочему, он каждое утро чуть ли не с секундомером стоял на крыльце редакции, проверяя, кто из работников во сколько пришел. Практических последствий опоздания, как правило, не имели. Все-таки работа творческая, мало ли, где человек может быть. Может, материал собирал с утра. Но видеть укоризненный взгляд, когда ты пришел на работу к девяти вместо пол девятого, было некомфортно.

— Чего он стоит, как тень отца Гамлета? — сокрушался самый старый журналист Сан Саныч, который чаще всего опаздывал. — Будто я не могу прийти на полчаса позже. Может, я с утра дома работаю. Я в этой редакции уже полвека, с тех самых времен, когда она еще называлась «Заветы Ильича». И никогда подобного дурдома не было.

Все остальные молчаливо с ним соглашались, но как то поменять ситуацию не могли. Хотя, например, Юле было, в целом, пофиг.

— Ну, стоит и стоит. Деньги из зарплаты не вычитает — и слава Богу.

Особенно хорошие материалы имели свойство пропадать в бездонном столе ответсека, куда он их складывал «на потом». За то он любил всякие скучные плоские отчеты с различных совещаний.

— Подожди, — говорил он. — Твой материал мы поставим чуть позже. Сейчас мы должны поставить отчет по посевной. Это очень важно.

Но это «потом» иногда и не наступало вовсе. Такое ощущение, что в ящике его старого канцелярского стола располагалась какая-то черная дыра, которая поглощала все интересное и веселое.

Юля зашла в редакторскую, где всегда проходила планерка, подволакивая тяжелый стул по старому линолеуму. Весь штат был уже в сборе. Во главе большого стола сидела главный редактор Светлана Алексеевна. Женщина добрая, хороший журналист, но на текущий момент отошедшая от практической журналистики. Занималась главред, в основном, внешней политикой редакции, постоянно кочуя по разным семинарам и симпозиумам, не особо вникая во внутреннюю кухню. Вышел номер — и слава Богу. По левую руку, создавая вид бурной деятельности, уже что-то записывал в свой блокнот ответсек. По правую руку сидел заместитель главного редактора, бывший мент, который в молодости непонятно зачем получил журналистское образование и, наконец, на пенсии смог реализовать свою творческую натуру. Он полностью осуществлял внутреннее руководство. На чудачества и претензии Михаил Михалыч глядел с легкой усмешкой, впрочем, не мешая ему упражняться в своих чудачествах, если те напрямую не мешали делу. Всего же журналистов было четверо: Юля, Алина, Денис и Сан Саныч. Ну, или три с половиной, поскольку Сан Саныч, по сроку службы, слегка манкировал своими обязанностями, понимая, что пенсию он уже заработал, особо стараться не стоит. Он целый день или пил чай в своем маленьком кабинетике, или курил на крыльце, созерцая жизнь. Курил он, как истинный работник творческого цеха, старую трубку.

— Сан Саныч, чего вы тут торчите целый день? — иногда, в сердцах, возмущался Михаил Михалыч.

— Творческий человек должен наблюдать жизнь — назидательно, показывая мундштуком трубки куда-то в небо, отвечал старый журналист. — Вот, что-то случилось, а я раз — и в газету. И бегать никуда не надо.

Впрочем, в маленьком районном городе какие-то события происходили весьма редко. А уж непосредственно в близости от редакции и тому подавно. Разве что, кто-то на светофоре кому-то в задний бампер въедет. Тогда Сан Саныч бежал в свою комнату, хватал фотоаппарат и фотографировал только что произошедшее событие.

Журналисты основную часть зарплаты получали сдельно, согласно количеству написанных строк. Поэтому, любой, даже самый незначительный материал, мог повлиять на цифры зарплатной ведомости в конце месяца. По этой причине Михаил Михалыч считал себя важной птицей. От того, поставит ли он материал или нет, зависело денежное вознаграждение каждого творческого работника.

— Сдаемся! Юля, с тебя еще материал про бабушку и попугая!

Юля мысленно закатила глаза, и сказала:

— Хорошо, я помню.

— В пятничный номер с каждого по две коротких новости. — сказал Сергей Владимирович

В кабинете раздались всеобщие вздохи и пыхтения. В городе особых событий никогда не происходило, поэтому каждое событие журналисты пытались раскрутить на полноценный материал, памятуя, что в конце месяца количество строк влияло на зарплату. Поэтому, сливать хорошую информацию в короткую новостную заметочку было не выгодно.

— Да я на прошлой неделе сдала четыре новости, поэтому, на этой неделе, я имею право их не сдавать и заниматься только большими материалами, у меня и так тем хватает, — возму-

щалась Алина, тыкая ручкой в сверху-донизу исписанную страницу своего блокнота. — Еще сегодня у меня визит на местную сейсмостанцию. Ей заведует мой сосед. Он на днях сказал, что сейсмонапряжённость у нас растёт. Связывают с пустотами из-за шахтных выработок.

— Сейсмостанция — это, безусловно, интересно. Хотя у нас никогда серьёзных землетрясений не было. Зачем в нашем районе она — не пойму. Но, тем не менее, от всех по две новости.

— При Союзе много чего строили. Наверное, был резон и в сейсмостанции. Насчёт новостей поняла.

— Юля, — подхватывая общий разговор, сказала Светлана Алексеевна. — Тут, перед планеркой, звонил наш внештатник, Игорь Серебров, который постоянно нам таскает байки о всяких аномальных зонах. Оно, конечно, фигня, но, на последнюю страницу, для развлечения, пойдет. Поговори с ним.

Редактор, по доброте душевной, позволяла заниматься активностью в городской газете разным городским «сумасшедшим». Иногда, они действительно приносили интересные вещи из истории города или какие-то другие материалы. Но, по большей части, пытались всунуть для публикации всякий бред, который им самим казался сверхценным знанием. Примерно, как в мультике про Карлсона: «Ко мне залетело очаровательное привидение, и я хочу о нём поведать миру!» Кроме того успехом у этой публики пользовались разные размышления на темы: как обустроить наше светлое завтра, что нужно подсказать правительству и как надо работать, чтобы наступило всеобщее счастье. Но из всех подобных внештатников Серебров был самым адекватным. Он, конечно, тоже заикливался на всякой полумистической чепухе, типа аномальных зон и черных дыр, но несколько раз подкидывал Юле действительно интересные материалы. Пару из них она даже потом выставляла на областной конкурс по журналистике.

Первым «сдался» Сан Саныч.

— У меня два материала из истории края, — веско сказал он. — И еще я готовлю разговор с ветеранами.

И, не дожидаясь, пока начальство разрешит уйти, он, на правах самого старшего сотрудника, встал и покинул кабинет, волоча за собой свой стул.

Все сдали свои планируемые материалы и разошлись.

Кому б позвонить?

Юля зашла в свой кабинет, взяв трубку телефона.

«Пожалуй, звякну Михаилу Ивановичу, может их баскетбольная команда выиграла какой-то второстепенный турнир. На короткую новость пойдет.»

В этот момент в кабинет зашел Серебров и кивнул. Юля приглашающе махнула рукой, а в завершение жеста указала на телефон — мол, сейчас я поговорю и потом уделю вам внимание.

Серебров понимающе поднял перед собой обе ладони, кивнул и присел на стул для посетителей. Под мышкой у него была старая картонная папка с тесемками, на которой желтела старая этикетка с надписью «Дело».

— Алло, Михаил Иванович, здравствуйте. Это Юля из редакции. Да новость нужна какая-нибудь. Нет ли чего интересного?

— Да, вроде нет, — послышался из трубки баритон тренера. — Следующий турнир только через пол месяца будет, готовимся.

Разочарованная Юля хотела уже попрощаться и положить трубку, но по паузе вдруг почувствовала, что тренер может что-то сообщить.

— Ну... Случилось тут одно интересное событие. Девочка нашлась, Настя Лапшова, помните? Которая в июле пропала. Так вот, пришла во Дворец спорта, при этом утверждая, что дом покинула только сегодня. А прошло два месяца. Но я вам ничего не говорил. Этика, понимаете ли. — сказал он

— Да-да, я понимаю, — сказала Юля. — Сейчас я к вам подбегу, поговорим.

— Хорошо, подходите, — после паузы сказал Михаил Иванович. — Все равно это уже секрет полишинеля — пол города судачит.

Юля положила трубку. Игорь сказал:

— Вы Михаил Ивановичу звонили?

— Да, — ответила Юля.

— То, что девочка нашлась, галдят на каждом углу. Я вот, кстати, вам в папочке принес список аномальных зон нашего района, где пропадали люди. А потом снова появлялись неизвестно откуда. Может быть, как раз подойдет. И получится интересный материал. Даже в центральные издания потом продать можно будет.

Юля неопределенно пожала плечами.

— Может быть. Ну, видите, мне идти надо. Может, вы в следующий раз зайдете?

— А можно я с вами пойду? Я все-таки внештатник, мне тоже интересно.

— Хорошо, пожалуйста, пойдемте.

Глава 7

Настя лежала в своей ветеранской палате, просверливая грустными глазами потолок. Понятное дело, что в любую больницу попадают не веселиться. Но с Настей происходили какие-то невероятные вещи, которые не могли ее не тревожить. Пока она не понимала, кто сошел с ума — может быть все-таки взрослые?

После утреннего осмотра и больничного завтрака — тарелки густой овсяной каши и пары бутербродов с маслом и сыром Насте стало немного веселее. Возвращаясь из столовой с недопитым, уже остывшим какао — буфетчица Марья Петровна разрешила стаканчик потом занести — в коридоре Настя увидела маму и Александра Алексеевича. Они стояли около ее палаты и о чем-то разговаривали. О чем, конкретно, Настя не услышала, но разобрала фразу «ретроградная амнезия»

— Она полностью здорова, но по всем признакам, у нее ретроградная амнезия. То есть, человек не помнит, что случилось раньше, но при этом находится в здравом уме — пояснил Александр Алексеевич Лилии Александровне. — Впрочем, вы и сами, коллега, это понимаете. А вот и наш найденыш! Давай, давай, мы тебя уже ждали — шутливо сказал доктор Насте.

Завидев маму, Настя ускорила шаг, слегка шаркая тапочками о потертый линолеум больничного коридора.

— Ну, что, мам, может, уже домой пойдем? — сказала Настя, крепко прижавшись к маме. Этот порыв был настолько сильным, что какао за малым не оказался на халате рядом стоящего доктора.

— Мы как раз об этом и говорили, — обняв дочку сказала мама, — ты полностью здорова. Собирайся и пойдем.

— Да-да, а то уже, небось, соскучилась по дому, — поддержал разговор Александр Алексеевич и похлопал девочку по плечу. — Мы бы тебя здесь и подольше подержали, но ладно, так и быть. Веди себя хорошо, слушайся маму, и тогда Дед Мороз под Новый Год принесет тебе хороший подарок!

Пока Настя переодевалась, доктор дал несколько советов Лилии Александровне

— Ну, вы несколько дней постарайтесь хорошенько за ней понаблюдать и постарайтесь не сильно нагружать, а так, в целом...

— А в школу можно?

— В школу даже нужно. Может, быстрее адаптируется и вспомнит, что произошло.

Они уже почти собрались уходить, но тут в палату вошла симпатичная рыжеволосая женщина лет сорока, в милицейской форме. Настя не очень разбиралась в званиях и погонах, но то, что одна звездочка с двумя полосками означает майора, знала.

— Здравствуйте, я ваша участковая, Ирина Петровна Заяц. Необходимо поговорить с потерпевшей.

Она дружелюбно улыбнулась Насте, давая понять, что строгое слово «потерпевшей» скорее шутка.

— Конечно, ответила Лилия Александровна. — Присаживайтесь. Правда, стульев здесь нет, так что придется на кровать.

Участковая присела на матрас противоположной кровати.

— Ну, что, Настя. Ты у нас теперь местная знаменитость, — и Ирина Петровна снова улыбнулась. Улыбка у нее была приятная, располагающая к душевному разговору. Правда, в ее синих глазах слегка угадывалось некое напряжение.

— Я с тобой так, без протокола. Просто побеседовать.

— Конечно, — в ответ улыбнулась Настя, мельком стрельнув глазами на маму, как бы спрашивая разрешения. Мама согласно моргнула веками.

— Расскажи, что с тобой случилось?

— Да вроде ничего. Хотя все вокруг почему-то уверяют меня в обратном, — попыталась пошутить Настя.

— Хорошо. Ну, а что ты помнишь?

Настя добросовестно пересказала свои вечерние приключения, начиная с болезни училки по биологии и до прихода во дворец спорта.

— Подожди, — сказала мама, дождавшись конца рассказа. — Когда ты пропала, вообще каникулы были. Какая учительница?

— Ну, как какая? Наша биологичка, Аннушка. Ну, Анна Семеновна. У ней еще прозвище «стрекоза» из-за больших очков.

Мама растерянно моргнула и сделала непонятный знак участковой.

— Извините, Ирина Петровна, можно вас на два слова?

Они вышли в коридор и заговорили громким шепотом. Настя к двери подходить не стала, так как подслушивать не хорошо, но максимально напрягла слух. Интересно же.

Все, что она могла разобрать из шепота за дверью: «Нет, такой учительницы в их школе не было» и какая-то «градная амнезия»

— Наверное, ретроградная. Вроде доктор так говорил. — вспомнила Настя.

Потом у мамы зазвонил телефон:

— Нет, нельзя. — сказала она. — Никак, извините.

И они с участковой снова вошли в палату.

— Ладно, Настенька, не буду пока тебя больше пытаться, — снова включила улыбку офицер полиции. Единственно, дай мне, пожалуйста, свой смартфон. Отдам спецам на экспертизу.

Настя уже знала, что непривычное слово смартфон — это ее ментофон, и отдала аппарат Ирине Петровне.

— Вот, — сказала она, — это мой ментофон «Тамагучи».

— Ишь ты, ментофон, — удивилась участковая. — Прямо телефон мента. Надо и себе такой взять. Мы, хоть и полицейские уже, но называем себя ментами, по старой памяти. А где брали?

Вопрос она обратила к матери, понимая, что столь дорогую покупку девочка совершить не в состоянии. Лилия Александровна снова неловко улыбнулась, пожала плечами, но ничего не сказала. Участковая посерьезнела, и, перехватив аппарат двумя пальцами, аккуратно опустила его в пакет, вынутый из кармана.

— На всякий случай пальчики с него тоже снимем, — пояснила она матери. — Если, кроме моих и Настиных еще чьи-то найдутся...

— Найдутся! Вчера Михаил Иванович его в руки брал, тренер мой.

— Хорошо, что сказала! — рассмеялась Ирина Петровна. — А то потом засадили бы его лет на пять. Надо еще и к нему забежать, пальцы сверить.

— А что, это запрещенный смартфон?

— Не знаю, пока не знаю. Просто процедура обычная, протокольная. Ну, выздоравливай, до встречи.

Рыжеволосая полицейская, попрощавшись кивком с собеседницами, вышла из палаты и бодро застучала каблуками по коридору.

Наконец, Настя, вместе с мамой пошли домой. Шли они старой знакомой дорогой, по которой сто раз ходили вместе, когда Настя дожидалась маму после дежурства. И тут Настя снова начала подмечать некоторые странности в знакомом городе.

— Мам, а вот странно, — показывая пальцем на старый двухэтажный дом, который был в небольших трещинах и поэтому обильно смазанный штукатуркой. — Он разве на этом углу находился? Эта двухэтажка стояла на квартал выше.

Мама успокаивающе погладила Настю по плечу и перевела разговор на другую тему.

— Смотри, какая собачка смешная там бегают. По моему, это шпиц.

— Мам, а где собачка эта собачка бегают — там же должна скейт площадка. А там тренажерка.

— Это у тебя от стресса, — успокаивающе сказала мама. — Это называется ложная память, когда человек помнит то, чего не было.

— Так у меня вроде никакого стресса не было.

— Ладно, давай мы с тобой вечером все обсудим за ужином.

— Мам, а что это за дерево? — подходя к дому спросила Настя. — Я вот раньше внимания не обращала, но, вроде, дерево у подъезда было другое.

— Каштан, — ответила мама. — Видишь, каштанчики рассыпаны.

Настя в упор не помнила, чтобы раньше у подъезда валялись каштаны. Да и дерево было повыше, этажа до пятого. А это едва дотягивало до третьего. Но данную мысль она озвучивать не стала.

Подойдя к подъезду, мама суетливо попыталась нащупать ключи в своей сумочке.

— Да мам, не ищи, у меня ключи ближе.

Настя достала небольшую связку ключей из переднего кармана рюкзака.

Домофон озадачено пикнул, но дверь не открылась.

— Наверное, размагнитился, — сказала мама, уже доставая свой ключ из черной дыры своей дамской сумки.

Эти несоответствия накапливались как снежный ком, и Настя почувствовала себя плохо.

— Может, я реально сошла с ума? — подумала она, сидя за обеденным столом на кухне.

— Мам, может, мне реально к психиатру надо? — пытаясь за неестественной ухмылкой скрыть тревогу спросила девочка.

Мама обняла свою дочь, прижала к груди и заплакала.

— Так, ладно! — вытирая слезы сказала Лилия Андреевна. — Надо нам с тобой праздник устроить. Сейчас я котлеток пожарю, сбегая, куплю твой любимый яблочный штрудель.

Настя любила больше штрудель вишневый, но решила не расстраивать маму и не пополнять копилку странных несовпадений. Сейчас она уже ни в чем не была уверена.

Но настоящего праздника все-таки не вышло. Когда они сидели за столом, позвонили в дверь. Мама пошла открывать. На лестнице стояла участковая

Глава 8

— Да... странноватая она какая-то стала.

Михаил Иванович зачем-то повертел в руках красный свисток, лежащий на столе, и положил обратно.

— А в чем странность? — спросила Юля.

Серебров, понимая свой уязвимый статус внештатника, прилежно сидел на гимнастической лавочке у стены кабинета. Хотя было видно, что его обуревают желание завалить тренера вопросами.

Михаил Иваныч поколебался, стоит ли говорить на эту тему или нет.

— Но только между нами? Договорились? Без передачи?

Юля кивнула — мол, само собой.

— Ощущение, что она, как не из нашего мира, — озвучил свои сомнения тренер. — Понимаю, звучит как-то мистически, — попытался он со смешком смягчить свою формулировку. — Я во весь этот бред, который крутят по РЕН-ТВ, про параллельные миры — не верю. Батя мой на этом канале зависает частенько и грузит меня потом рассказами из жизни инопланетян и прочих внеземных цивилизаций. Я хотел лишь сказать, что Настя вернулась, как не от мира сего. Потерянная какая-то, на стены натывается, капоэйра откуда-то взялась. С одной стороны это вполне объяснимо, психическая травма, амнезия и все такое. Я понимаю. Человек от переживаний легко сдвинуться может. Но чисто внешне она выглядит совершенно нормально — девочка как девочка. Меня помнит, девчонок узнает. А больше и сказать нечего.

Серебров при упоминании параллельных миров непонятно хмыкнул, но сдерживался, преодолевая желание вступить в разговор.

— Она в больнице сейчас?

— Наверное. Мать ее прилетела, через забор больницы перелезала. Она врачом на «скорой» работает. Да оно и понятно. Два месяца девчонка непонятно где была. К слову, говорят, что там, где её нашли, в этот же день пацан пропал. Зять у меня в МЧС работает. Говорит, реку шарили вчера, но без результата.

Серебров, и до этого беспокойно ерзавший на скамейке, вскочил.

— Что, прям на этом же месте пропал?

Михаил Иванович слегка поднял брови на этот эмоциональный всплеск внештатника.

— Ну, не поручусь, что точно в этом месте, но где-то неподалеку. Сам я там не был.

— Ну, тогда это все объясняет! — вскричал Серебров. Но, что именно, объяснять не стал, и снова приземлился на лавочку худым задом слегка в обвисших брюках серого цвета.

— И вообще, вам лучше с ее матерью поговорить, — закруглил разговор тренер. — А вам я ничего не говорил. Сами понимаете, этика — дело тонкое. Девочка подросток, да еще не в себе. Вы опишите как-то не так, а ее потом одноклассники травить будут, сумасшедшей обзывать. Надо тщательно планировать, как слово наше отзовется. Ладно, господа, рад был поболтать, но у меня тренировка.

— Конечно, конечно! Мы поговорим с ее матерью. А насчет спорта может какие-то новости есть? Вроде в это время всегда зональные были. Я помню еще с тех пор, когда у вас в команде после универа играла. Помните, как мы каменских в финале раскатали?

— Дааа, были времена, — помягчел лицом тренер. — Ты — девушка рослая, помню твои трехочковые броски. А зональные уже лет пять по новому графику проходят. Новый министр спорта в области, новая метла, так сказать. Так что, новостями из области спорта, мне тебя побаловать не удастся. Сходи к скалолазам, там Леха Шевченко недавно команду со сборов привез.

Прощавшись, журналисты вышли.

— Ну, что? Идем? — возбужденно спросил Серебров.

— К скалолазам? — спросила Юля.

— Зачем к скалолазам? — удивился внештатник. — В больницу. К девочке. У меня, кажется, есть документально подтвержденная теория по поводу ее исчезновения.

И он потряс перед собой своей папкой, давая понять, что она буквально набита доказательствами. Юля мысленно покрутила пальцем у виска.

— Ладно, сейчас поищу номер матери.

Путем сложных переговоров, через третьи руки друга друзей, нужный телефон удалось достать. В этом вся прелесть маленьких городков, где все друг друга знают. А уж врачей и подавно. Но на этом везенье закончилось. Мать девочки вежливо, но наотрез отказала в разговоре.

— Оно и понятно, — подумала Юля. — Я бы тоже не стала говорить с журналистами. Ладно, пойдем другим путем. Поговорю пока с ее одношкольниками и девчонками из команды. Может, и участковая что скажет. На первичный материал хватит, а там «следите за развитием событий»

— Может, в кофейню зайдём? — предложил Серебров. — У меня, кажется, есть рабочая гипотеза. Возьмем по капучино, и я вам ее непременно изложу. Естественно, я угощаю.

Юля знала, что внештатник на пенсии и беден, как церковная мышь, поэтому щедрость оценила высоко, но тут же отвергла.

— Каждый сам за себя. Хорошо, пойдемте.

— Каждый сам за себя, — засмеялся ее спутник. — Так шакал в «Маугли» говорил.

Потом понял, что сравнение с шакалом как-то неуместно в отношении девушки и смутился.

— Извините, это я что-то невпопад. Пойдемте. И я угощаю. Это мое обязательное условие.

— Шикуете? — съязвила Юля

— Ах, оставьте, — ухмыльнулся Серебров. — Гусары денег не берут. Тем более, у меня скидочная карта в «Бодрую чашку» есть. Вчера один ученик подарил. По ней две чашки на выбор бесплатно. Акция.

— Гусары денег не берут, а берут дисконтные карты. Куда катится мир. А где эта кофейня?

— На краю Африки. Пару месяцев, как открылась. До этого там пивнуха располагалась. Но здоровый образ жизни твёрдой поступью шагает по планете.

— Да уж, пивнуха для Африки норм, а вот кофейня... А почему ученик? Вы где-то преподаете? Вы же вроде не учитель.

— Да, попросили вести краеведческий кружок в местном доме детского творчества. Всякие туристические тропы прокладываем, интересные места на карту района наносим. Родники опять же.

Кофейня, куда пришли журналисты, была небольшой, но уютной. Даже в дневное время здесь был легкий полумрак, а атмосферу создавали небольшие гирлянды и лампочки.

— Миленько здесь, — подумала Юля.

Серебров подошел к стойке и залихватским движением завсегдатая подобных заведений выложил перед дюжим бариста свою карту.

— Будьте добры два капучино.

— И в один добавьте кленовый сироп, пожалуйста — сказала Юля, присаживаясь на мягкий диванчик у окошка, где уже расположился пушистый постоялец кофейни кот Васька. Он считал, что окажет честь посетителю, если заберется к нему на руки. Юлю он не заставил долго ждать и лениво, в полусонном состоянии, перебрался с дивана к Юле.

Бариста — атлетического вида мужчина неопределённого возраста «около сорока», с худым длинным лицом и медно-рыжей короткой стрижкой — с невозмутимым видом поизучал картонный прямоугольник

— К сожалению, могу сделать только один кофе. По этой акции бесплатно две чашки кофе в течении месяца, но не одновременно.

Юля про себя ухмыльнулась, глядя, как «гусар» суетливо извлекает из кармана мелочь.

— Присаживайтесь, сейчас принесу, — бариста смел мелочь в коробку, хранившуюся в недрах стойки, и пошел к аппарату.

Кроме штатного и внештатного журналистов в кофейне никого не было.

— А здесь очень даже ничего, — подумала Юля. — Нужно будет иногда захаживать сюда после работы.

И, аккуратно сдвинув уже задремавшего кота с колен, она подошла к стеллажу с книгами — это была изюминка «Бодрой чашки». Журналистка взяла с полочки потрепанный томик. Это оказался сборник Шекспира.

— Надо же, кофейня-читальня. Приют для эстетствующих интеллектуалов.

Второй эстетствующий интеллектуал шмыгнул носом и развязал тесемки папки, развернув ее на столе. Ему не терпелось начать разбор доказательств. Но, перед самым началом, Серебров, в молодости учившийся в эстрадно-цирковом училище, сделал классическую театральную паузу, создавая интригу.

Юля с интересом наблюдала за этим миниспектаклем.

— Тренер нечаянно оказался прав! — начал свой спич ее визави. — Именно не из нашего мира!

— Вы серьезно?

— Абсолютно! Сейчас сами убедитесь. Вот!

Он извлек на стол пожелтевшую топографическую карту района, всю испещренную красными крестиками и вопросами. Впрочем, часть крестиков была зачеркнута синим.

— Это что, пиастррры, пиастррры? — среагировала на крестики Юля. — Клад?

— Нет, это места нашего района, где пропадали люди.

— Но люди пропадают по сотне разных причин. От явно криминальных до сугубо бытовых. Убежал пацан из дома и пропал.

— Именно, — торжествуя поднял палец Серебров, чуть не выбив чашку из рук неслышно подошедшего бариста. Тот недоуменно покосился, но обогнул эмоционального клиента и поставил две чашки на стол. Юля тут же подтянула свой кофе к себе и сделала осторожный глоток. Внештатник свою чашку проигнорировал, увлеченный рассказом.

— Так вот, я собирал информацию по всем случаям. И у очевидцев, и из прессы. Те крестики, где пропавшие нашлись, в живом или мертвом виде, я зачеркнул.

— А что за вопросы на вашей схеме?

— А, это, так сказать, исчезновения наоборот.

— Как это наоборот?

— Это места, где были найдены люди с пропавшей памятью. Понятно, в тех случаях, когда о них стало известно. Вот сколько по вашему мнению таких людей должно быть?

Юля пожала плечами.

— Таких по всей России крайне немного. А вот конкретно в нашем районе их было неожиданно много. И это только по тем случаям, которые стали известны. Вот, взгляните на карту. Что скажете?

Журналистка слегка вытянула шею, заглядывая в желтый лист.

— Ну, что. Там четыре вопроса, и все они неподалеку от красных крестиков.

— Точно! — в восторге внештатник хлопнул тыльной стороной одной кисти по ладони второй. — А что это значит?

— И что же?

Серебров вдруг успокоился, и взял мхатовскую паузу, принявшись за свой кофе.

— Все просто, — сказал он чуть погодя, вытерев тыльной стороной пенку от кофе с верхней губы. — По моей теории, основанной, между тем, на исследованиях многих маститых ученых, во вселенной существует множество параллельных миров. Они стоят друг от друга не в пространстве, но во времени. Достаточно одного хронофотона, и миры не пересекаются.

— Что такое хронофотон?

— Это мой термин. Моя научная находка, — с гордостью сообщил собеседник. — Это то крайне малое количество времени, которое позволяет мирам не пересекаться. Как листья в тетради. Вроде рядом, но каждый по отдельности. При этом, самые ближайшие из них, могут быть очень похожи. Иногда листья как бы склеиваются, и в этих местах образуются места для взаимопроникновения. Так называемые червоточины, используя терминологию Кинга. Но, поскольку закон сохранения вещества, открытый Ломоносовым, судя по всему, универсален, то из мира в мир должно попасть равное количество массы. Для равновесия. Если кто-то пропал, с той, другой стороны, приходит примерно похожий по массе человек. Ну, или другой материальный объект похожей массы.

— Интересная теория, — озвучила Юлия, думая про себя, что собеседник точно с катушек съехал. Вон, как глаза горят, ни дать, ни взять, Наполеон в психиатрической больнице. — Ну, а как вы определяете, что это именно хронофотон? Его же как-то измерить нужно.

Но каверзный вопрос не поставил собеседника в тупик.

— А никак! — не смутившись ответил первооткрыватель хронофотона. — Приборы для измерения еще предстоит создать. Но это само по себе ни о чем не говорит. В конце концов, про микробов люди знали и до открытия Левенгуком микроскопа.

— Хорошо, оставим теорию и перейдем к практике. Как ваша теория поможет в объяснении странного появления девочки?

— Моя теория единственная, которая вчера раскладывает по своим логическим полкам. Девочка ведет себя странно, многие обстоятельства в ее объяснениях выглядят иначе.

— Мы же с ней не говорили. А тренер сказал, что она лишь не от мира сего. Да и, судя по вашей гипотезе, тогда у нее должен быть напарник с той стороны перехода. Ну, когда она пропала.

— А вы вспомните июль. Ничего странного не припоминаете? Ваша газета об этом ряд репортажей публиковала. Ну, или как там у вас, я не силен в классификации жанров в периодической печати.

И Юлю как озарило. Точно. Паренек, который ничего не помнил, пару дней ночевавший на лавочке у вокзала. Железнодорожники позвонили на скорую, а знакомый врач «скорой» позвонил замреду. Тот сразу выехал вместе с бригадой на вокзал. Фото и материал о потярешке получили широкий резонанс в федеральных СМИ. Для маленькой районной газеты это был небывалый успех. Буквально через день приехали столичные журналисты из передачи «Жди меня». Сюжет вышел тоже быстро, через неделю. И, что удивительно, нашлась мать. Она приехала в город, сына безоговорочно опознала. Правда, он ее так и не вспомнил. По рассказам матери, пацан пропал зимой, когда пошел провожать друга на ночь глядя. Друг благополучно дошел, а сын исчез. Она показывала фотографии паренька годовой давности, призывая собеседников убедиться, что это один и тот же человек. Паренек на фото был, безусловно, похож. Но, у найденыша глаза были карие, а у пропавшего светлые. Впрочем, мать тут же нашла объяснение феномену:

— Наверное, его бандиты в темной яме держали. Вот глаза и потемнели.

Сей довод у всех вызвал обоснованные сомнения, но спорить с женщиной, нашедшей свое счастье, никто не осмелился. В самом деле, всем от этого лучше. Парень обретет дом, а

мать сына. Ну, а журналисты, само собой, получили, не высосанную из пальца, а самую железобетонную сенсацию.

— Но ведь его нашли на вокзале, а девочка пропала у реки?

— Вполне мог сам дойти. Там не больше десяти минут спокойной ходьбы.

Юля поймала себя на мысли, что теория Сереброва выглядит, если не достоверно, то логично. Впрочем, насколько она знала из литературы, доводы шизофреников всегда логичны, но не верны, так как основываются на ложном посыле-фундаменте. Считать ли внештатника шизофреником она еще для себя не решила. Он, конечно, странный тип, но кто знает... В истории бывали случаи, когда великих ученых поначалу считали сумасшедшими.

— Ладно, — сказала она, допивая свой кофе. Здесь действительно есть над чем подумать. Но нужно переварить и по полочкам разложить. Попробую поговорить с участковой

Весь разговор кот Васька, снова вернувшийся на тёплое место, сидел на коленях у Юли и дремал. Или подслушивал.

— Васька, не мешай людям, брысь! Иди на улицу, погуляй — сказал бариста коту, открывая дверь кофейни. — Давай, давай.

— Он мне нисколько не мешал, — улыбнулась Юля. — Я кошек люблю. Но, мне пора, поэтому уйти Ваське все же придется. По крайней мере, с меня.

Кот неохотно и тяжело спрыгнул на пол и лениво поплелся на выход.

— А вы в редакцию то зачем приходили? — спросила Юля у Сереброва, уже собираясь уходить. — Только карту показать?

— Карту само собой. Но про нее позже, когда материал подкоплю и отсортирую. Сейчас мне стало ясно, что над этой информацией стоит еще поработать. А пока взамен заметочку возьмите. Мы с детьми в субботу родничок почистили. Вот, я тут набросал.

Попрощавшись с внештатником Юля пошла на выход, кивнув баристе. Тот в ответ подмигнул и взглядом показал в спину Сереброва, покрутив пальцем у виска. Краевед допивал свой кофе, вытягивая через трубочку остатки молочной пенки. Затем, суетливо собрал документы, тщательно завязал желтые от времени тесёмки папки и выскочил вслед за Юлей.

Дождавшись, когда гости покинут кофейню, бариста достал телефон, очень похожий на Настин «тамагучи», и сделал звонок:

— Марсело, Кочан на борзе марафон выиграл!

Глава 9

— Здравствуйте, Ирина Петровна, — сказала мама Насти. — Вам что-то удалось выяснить? Проходите на кухню, мы как раз ужинаем.

— Добрый вечер, спасибо за предложение, пожалуй, я им воспользуюсь. Разговор предстоит непростой.

Полицейская сняла тонкий бежевый плащ, под которым был все тот же форменный китель и, разувшись, прошла на кухню.

— Поужинаете с нами?

— Да нет, спасибо. А вот чайку с удовольствием выпью.

Настя взгромоздила чайник на плиту и потрещала кнопкой пьезоэлемента, поджигая конфорку.

— Сняли отпечатки на телефоне?

Ирина Петровна кивнула.

— Посторонних «пальцев» не оказалось. Только мои, Настины и вашего тренера. А по поводу технической части экспертиза еще идет. Отдала его компьютерщикам, дай Бог, что-нибудь нароют. Наверное, к завтрашнему дню, уже озвучат какой-то результат. Но фирма редкая, я бы сказала уникальная. На досуге порылась в интернете — ничего похожего нет. Хотя сейчас много «серых» телефонов ходят — непонятно где сделанных, и непонятно как переправленных в нашу страну, минуя таможеню. И где вы все-таки его покупали?

— Да в салоне связи, на Парадной площади.

Возникла неловкая пауза.

— Да у нас, вроде, нет такой.

— Как? Ну, где памятник Ленину?

— А, поняла. Это Театральная. Да, там есть салон связи. Надо будет туда завтра заскочить.

Настя обрадовалась. По ответу полицейской она поняла, что салон связи на центральной площади существует, а не является ее ложной памятью. Правда, название опять перепутала. Всё страньше и страньше, как говаривала кэрроловская Алиса.

Чайник засипел, а потом засвистел, переходя на фальцет. Заварили зеленый чай, нарежали яблочный штрудель. Участковая осторожно отхлебнула из чашки и, чуть откашлявшись, перешла к сути разговора.

— Я, собственно, к вам не по поводу Насти. Вчера в нашем районе мальчик пропал, Настин ровесник — Миша Дроздов. Знаешь его? — обратилась она к девочке.

— Ну, так, не близко. В параллельном классе учится, пухлый такой. Только он Гроздов, вроде.

— Ты же с ним с детского сада вроде знакома, даже дружили — вспомнила Лилия Андреевна.

Настя пожала плечами, мол, не помню.

— Ну, ладно, не суть, — продолжала Ирина Петровна. — Я опросила ребят, с которыми он был на рыбалке. Все утверждают, что в тот момент, когда Миша пропал, увидели тебя. И что ты появилась как будто из неоткуда.

— Да они вообще придурки, — возмутилась Настя. Я просто вышла из-за поворота реки. А они мои босоножки утащили. Вот, я еще орех нашла.

Она сбегала в комнату, достала из рюкзака потерянный грачом орех и вернулась на кухню.

— Вот! — как будто орех сам по себе что-то доказывал. Орех и орех.

— Ладно. Допустим, ты гуляла вдоль реки. Не видела ли ты Мишу? Или каких-либо посторонних людей возможно?

— Нет, — Настя отрицательно покачала головой. — Там никого не было. Просто овражек, впадающий в реку. И обычный грач.

— Ну, овражек — так овражек, — не стала спорить полицейская, видимо, вспомнив, что у Лапшевой расстройство памяти. Она взяла со стола орех и покрутила в пальцах.

— Хороший сорт, крупный. Судя по всему, кора тонкая.

— Я тоже так подумала, -обрадовано сказала Настя. — Я такие орехи могу даже руками колоть.

В доказательство она сжала плод орехового дерева в руке, напряглась со всей силы. Но, несмотря на все приложенные усилия, хруста скорлупы не последовало.

— Дай-ка мне, — сказала Ирина Петровна.

В ее изящной, но, по-видимому, очень сильной ладони, скорлупа крякнула, орех развалился на две равные половинки, каждая из которых содержала янтарного цвета ядро.

— Ну, вы даете, — восхитилась Настя.

— А что делать? Профессия обязывает, — улыбнулась майор. — Физподготовка. Каждый месяц нормативы сдаем. Да еще и муж меня тренирует. Он — мастер спорта по кик-боксингу. Имея такого мужа мне и на «земле» работать легче. Гопота быковать боится. Знает, если что, он за меня репу начистит. Да я и сама кое-что могу. — И строгое выражение ее лица сменилось располагающей улыбкой, которая так запомнилась Насте еще в больнице.

— Странный цвет у этого ореха, — сказала мама. — Какой-то неестественный, ярко-желтый. Хотя, сегодня селекционеры могут вывести фрукт любого оттенка. Где-то читала, что даже арбузы с желтой мякотью есть.

— Точно есть, — подтвердила гостья. — Я как-то в столице на базаре такой видела.

Лилия Андреевна отколупнула кусочек орехового ядра и осторожно положила в рот.

— Гм. Вкусно. Такой приятный, сладковатый вкус. Что-то среднее между макадамией и пеканом. Хотите кусочек?

Участковая покачала головой.

— У меня на орехи аллергия. Насть, может быть ты заметила что-нибудь необычное в том месте? Какую-нибудь деталь, поначалу кажущуюся не важной. Может быть, потерянная пуговица или след ноги, как в детективах? — майор улыбнулась.

— Да вроде нет. Хотя... в том овражке, который впадал в реку, стоял туман.

— Ну и что?

— Так день шел к закату, на улице тепло, обычно, при таких условиях тумана не бывает.

— Ты наблюдательная девочка, но, скорее всего, где-то поблизости от этого места проходит теплотрасса, и между траншеей и берегом образовалась дыра в земле.

Настя мысленно согласилась с собеседницей, но что-то в картине воспоминаний ее тревожило, не укладывалось в рамки обычного.

— Пойдите-ка. В лужице, на дне овражка, я видела размытый след босой ноги. А, поскольку, песок в воде форму долго не держит, значит, кто-то, прямо передо мной, там прошел. Но я никого не видела.

— Хорошо, проверим. — ответила Ирина Петровна. — Может быть, там яма какая образовалась, и он туда провалился. Сенк ю фор ю коопирейшен, как говорят в американских полицейских боевиках. Ну, ладно, время позднее. Меня дома ждут.

— Так вы хоть штрудель попробуйте! — сказала Лилия Андреевна.

— Для фигуры вредно. К тому же, он тоже с орехом.

— Я провожу вас, — сказала Настя.

Гостья последовала за ней в коридор. И тут случилось нечто непонятное. Когда майор Заяц снимала свой плащ с крючка вешалки, она, видимо, дернула чуть сильнее, чем нужно.

Но почему-то качнулась и люстра на потолке. На шкафу в прихожей зашатался старый кувшин с ручкой. Такие любят рисовать на уроках живописи в качестве натюрмортов. Когда в доме водились цветы, их помещали в этот кувшин вместо вазы. Все остальное время он украшал собой интерьер, закрывая электрическую круглую коробку с разводкой проводов на стене. Кувшин какое-то мгновение покачался, как будто раздумывая — падать или не падать, и начал крениться вниз, прямо на красивую рыжую шевелюру майора. От шкафа до кухни было верных четыре метра, но Лилия Андреевна словно вратарь, вытаскивающий крученный мяч из «девятки», в полупрыжке подхватила посудину, предотвратив верную травму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.